

Во вздымающихся песках...

Пустыня Юго представляла то ещё зрелище вечером. Гигантские дюны так улавливали свет своими склонами и изгибами, что сияли подобно золоту, а тепло впитанное ими за день порождало лёгкую пелену воздуха, покачивающуюся на их гранях.

Особая чистота песка тоже вносила вклад в этот вид. В Юго встречалось больше прозрачных песчинок, чем в любой другой пустыне мира.

По легенде, то была работа древнейших предков Асада, арасаб, мифических существ, от которых он и получил своё прозвище – Львов Пустыни. По преданию, заслужившим их уважение они даровали свою способность создавать песок людям, прежде чем покинули этот мир.

Много раз на протяжении своей жизни Асад смотрел на эту пустыню – и не всегда по хорошим или мирным причинам.

Увы, но сейчас был именно такой случай.

Вторжение военных сил Кэлтоса с поддержкой Избавления в его родные земли до сих пор держалось в ничьей, однако по донесениям разведки, Избавление, пусть и очень медленно, но набирает силы. Пока темп не тревожил, но тренд был неприятным.

Асад за свою жизнь уже успел поучаствовать в нескольких войнах, но ещё никогда не был в такой громадной – за время его жизни просто не наступали войны, которые угрожали бы самому существованию Саира.

Именно это так давило на всех, подозревал он. Мысль, что если они провалятся, то всё созданное ими за прошедшие два столетия будет разрушено.

Жнецы его Халя всегда говорили, что если такой день наступит, то всё произойдёт очень быстро. А он всегда кивал им, как хороший ученик и потомок.

Однако только теперь он чувствовал, что начинает понимать. Хотя и в этом сомневался.

Он до сих пор временами замечал себя за мыслями о том, каким образом оказался в нынешнем положении. Весь смысл его дружбы с рейнлордами, запланированной ещё столько лет назад, заключался в том, чтобы предотвратить саму возможность таких событий. И,

немного позже, половина Халев стала сотрудничать с Авангардом по этой самой причине.

И вот, где сэндлорды теперь – полагаются на и так напряжённый Авангард. Все остальные союзники, которых они добились за эти годы, либо сами воевали, либо прятались, либо давно умерли.

Изоляционизм, который так любили его собратья в Золотом Совете – ну, теперь он не выглядит таким уж мудрым решением, да?

В последние дни сдерживать гнев во время их встреч было всё труднее.

Его отношения с другими членами совета становились всё более натянутыми. Им не понравилось то, как он пошёл против их воли, чтобы помочь рейнлордам, что привело к угрозе разрыва отношений с Авангардом. А он был недоволен тем, что они не понимали, насколько лучше было бы их положение, если бы они послушали его тогда и помогли рейнлордам в их стычке с Авангардом. Хотя бы политическими силами, если не военными.

Авангард не должен быть политической организацией. Даже если некоторые рейнлорды были их членами, какое у них право убирать правителей с собственных земель – тем более, без поддержки остальной части правительства. Если бы сэндлорды открыто проявили оппозицию к поступку Авангарда, всю эту ситуацию можно было бы решить мирно.

По крайней мере, так считал Асад.

Остальной Совет явно не разделял его мнение.

Они были под впечатлением, что в таком случае Авангард ушёл бы из Саира полностью – а может даже хуже, атаковал бы ещё и их тоже.

Что казалось Асаду полным абсурдом, но, конечно же, объяснить это им не удалось.

Авангард хотел альянса с сэндлордами. Никогда это ещё не было так очевидно, как сейчас. Саир слишком важен с географической точки зрения, а сэндлорды знают эти земли лучше всех. А с Солнечным Кузнецом, открыто вышедшем на сцену и вставшем в один ряд с другими левиафанами мира слуг, у Авангарда ещё меньше причин нарываться на сражение с ним.

Как он хотел, чтобы Юсефф принял его предложение полтора года назад. Быть может, публичная свадьба между Эмилианной Элрой и Мидхатом Наджиром смогла бы хоть немного уменьшить масштаб их проблем.

А может он просто обманывал себя.

Не было смысла ныть теперь, говорил он себе. Что сделано, то сделано, а злоба на самого себя никак не поможет исправить ситуацию – ни для его людей, ни для него самого.

Этому его научил отец.

Лорд Салим Наджир был немногословным человеком. Мать Асада обычно была той в семье, кто поднимал голос или выбирал наказание – а с ним и братом Хакком такая необходимость возникала часто.

На самом деле, Асад помнил лишь один раз, когда его отец разозлился. Возможно, именно из-за такой редкости он настолько отчётливо это запомнил.

Это случилось вскоре после того как он стал слугой, в возрасте четырнадцати лет, и у него проявилась «божественная» материализация. Поначалу он был счастлив. Ему досталась самая уважаемая сила среди сэндлордов. О чём тут можно печалиться?

Вскоре он узнал. Когда все его товарищи начали относиться к нему по-другому. Как если бы все они внезапно решили, что он выше них – или, что он считает себя выше них, возможно. В этом молодом возрасте он не мог понять тихой ненависти в их глазах. Не мог понять, почему все его друзья вдруг так изменились.

Они не грубили, конечно. Это было самым странным. Все относились к нему полностью радушно. Просто... отчуждённо. Они всё ещё приглашали его играть с ними и бездельничать время от времени, но не смеялись как раньше. Они не могли расслабиться. Будто все были как на иголках рядом с ним.

Возможно, будь он старше эмоционально, то смог бы разобраться с этими отношениями. Вместо этого он начал нарываться на драки. И без всяких причин – по крайней мере, тогда никакие причины на ум не приходили.

На самом деле он просто хотел, чтобы хоть кто-нибудь вновь относился к нему, как к нормальному человеку, даже если это означало удар кулаком в лицо.

Когда отец узнал, чем он занимался, вот тогда Асад в первый и последний раз в жизни увидел его пугающе злым. Но дело было не в том, что он нарывался на драки. Видимо, это отец понимал.

Нет, что действительно не понравилось Салиму Наджиру, так это то, что Асад продолжал жаловаться.

Сколько раз на протяжении жизни Асад вспоминал этот момент, столько раз он и казался ему странным. Из всего, что могло разозлить отца, почему именно это? Они с Хакком сделали так много куда более плохого в своей юности. Запустили фейерверк в его кабинете, например.

Или поставили друг другу фингалы. Или когда съели столько конфет, что их вырвало посреди престижной трапезы с Халем Саккафом.

Нет, тогда он не разозлился. Тогда его отец был спокойным как пустыня в ночи. Ни разу не накричал. Всегда говорил тихо.

За исключением лишь одного случая, когда он не выдержал ребяческого нытья Асада.

Сколько лет странность этого воспоминания озадачивала его. Быть может, у отца был плохой день. Или ему просто так надоело слушать нытьё. Или, может, дело было в чём-то совершенно другом.

Но где-то посреди своего становления взрослым Асад почувствовал, что теперь понимает. Когда он внезапно опять вспомнил, что его отец сказал потом, как только успокоился.

«У каждого человека свой груз на плечах. Свои сожаления. Но не каждый позволяет этим трудностям завладеть собой. Не каждый просит пожалеть себя из-за них»

И если это не было философией всей жизни отца, то он не знал, что.

Хотел бы он знать, что бы сказал отец насчёт нынешней ситуации. Ещё один груз на его плечи?

Может и так.

Хотя его мама определённо не молчала на этот счёт.

Асад не знал других настолько непохожих друг на друга людей, как Салим и Ясмин Наджир. Их брак – более того, как их брак мог быть счастливым – оставалось для него величайшей загадкой по сей день.

От жнецов он слышал, что их помолвку приготовили, отменили, приготовили снова, и снова отменили, прежде чем наконец-то всё сложилось. При этом тревогу высказывали не жених и невеста, а два Халя. Наверняка их семьи так беспокоились из-за их совершенно разных характеров.

Но, по какой бы там ни было причине, всё сложилось. Его мама никогда не понимала спокойствие отца, а отец никогда не понимал её импульсивность. И в то же время, отец, наверное, был единственным человеком в окружении мамы, которому не доставалось от её едкого остроумия.

И хотя сказать, что их женатая жизнь была «страстной» язык не поворачивался, Асад

помнил немало моментов особенной нежности между ними.

Хотел бы он раньше понять, насколько особенными были их отношения. Ему все казалось, что всё так просто, они ведь даже не спорили никогда – не перед ним, по крайней мере.

В сравнении с его собственной свадьбой, воспоминания об их казались какой-то мечтой, не имеющей ничего общего с реальностью.

Впрочем, об этом он пока думать не хотел.

Они ожидали крупного нападения со стороны Кэлтоса в любой момент. Последние несколько атак были не более чем укусами, наверняка попытками найти слабину в их защите. Хотя вряд ли они что-то найдут. Асад лично проверял точки, изучал отряды, и артиллерию целыми днями – и не только он.

Пустыня Юго была смертельной ловушкой, только и ждущей врагов.

Асад сел и тяжело вздохнул. Он решил отдохнуть в последнем доте, который проверил к этому вечеру. Ашо Дюксан, сын лорда Хасана Дюксана, сменил его в патруле.

Асад не знал, сможет ли уснуть этой ночью. Тело и так устало дальше некуда, но напряжение перед боем игнорировало любую усталость. А ночь, конечно же, была любимым временем нападающих.

Некоторое время он просто паялся на длинную, горизонтальную дыру в доте. Это скромное строение было практически полностью погребено в песках Юго и ночной ветер сухо скрёб по бетонной крыше.

Стёкла могли бы удерживать песок, конечно, но тогда блики из-за отражающегося света солнца или луны раскрыли бы позицию дота, а маскировка была куда важнее, чем дискомфорт от периодически попадающих в лицо горстей песка.

Кроме того, сейчас было не так и плохо. Реально плохо становилось, когда песок залетал и покрывал всё его тело за несколько секунд. Или когда ветер был таким сильным, что песчинки оставляли кровавые царапины. Плохо, это когда требуется полный комплект обмундирования, включая защитные очки.

А это нормально.

Хотя на паре молчаливых часовых, что сидели рядом с ним, были и очки, и обмундирование. А судя по количеству песка на полу, возможно, они уже попробовали плохо.

Со всем этим снаряжением никак нельзя было понять, какому Халю они принадлежат, но наверняка оба ещё молодые парни, раз их поставили здесь. Может даже не слуги, раз жнецов рядом не было.

Его собственный жнец, Корвас, как раз пролетел через стену и сказал на валганском: «Не думаю, что авангардцам очень нравится наша пустыня».

— «Не думаю, что нам очень нравится наша пустыня», — ответил Асад.

— «Даже так, очевидно же, что они хуже приспособлены к жару пустыни, чем мы»

— «Ну, сейчас зима, может им нравятся морозные ночи», — сказал Асад, не удержав усмешку.

— «Нет, не нравятся»

Асад не мог сказать, что удивлён. Экстремальные переходы температуры были слабостью слуг, особенно если у тех не хватало опыта тренировок в таких условиях. Влияние очень больших и очень низких температур на мозг – большой фактор. Перегрев, очевидно, наносил вред когнитивным способностям, и регенерация не сильно с этим помогала. А обморожение, по мнению некоторых, наносило даже больше вреда.

И хотя пассивная защита души нейтрализовала обе проблемы, но не для молодых слуг. Чёрт, даже многим старым слугам было некомфортно в таких условиях, поэтому они часто ходили раздражёнными, если не были привычны к работе в подобных местах.

— «Избавление в той же лодке», — сказал Асад. — «На самом деле, у них должно быть даже хуже. В таких условиях солдаты без дисциплины могут принести немало проблем»

— «Я ценю твой оптимизм. Кстати говоря, ты ничего сегодня не забыл?»

Асад практически ненавидел этот вопрос: «Не думаю».

В последнее время жнец задавал его каждый день. Поначалу Асада это очень бесило, но пару раз он действительно вспомнил кое-что важное, поэтому решил, что нужно просто смириться.

— «Уверен?» — спросил Корвас. — «Ты ведь не оставил Осколки где-нибудь снова?»

— «Они со мной», — ответил Асад, указав на нагрудный карман спрятанный под его свободной робой.

Корвас в последние дни с особенным трепетом относился к этим Осколкам. Что не сильно удивляло. Их и так осталось всего четыре, при этом два больше не в Саире.

Сейчас, больше чем когда-либо, потенциал лежащий в Осколках не давал покоя Асаду. Если бы только он мог раскрыть их силу, то достиг бы уровня, которого сэндлорды не видели уже несколько столетий.

Это многое изменит, конечно же. Аббас Саккаф больше не будет неоспоримо главным Халем среди них, но Асад был уверен, что они смогут разобраться с любыми политическими проблемами, какие возникнут. Безопасность, которую предоставляли Осколки, перевешивала всю драму между Халями.

Но была причина, по которой семь последних Львов провалились.

Никто больше не знал, как это делается.

Корвас верил, что нужно просто стать достаточно старым и достичь такого уровня синхронизации, чтобы превзойти определённую границу, но ещё жнец лично признался, что не знает где граница или когда они её пройдут. Несмотря на то, что он был даже старше самих Осколков, жнец не мог вспомнить никаких доказательств своей теории.

Конечно же, было приятно представлять, что Асаду просто требовалось выживать достаточно долго, чтобы получить божественные силы, которые решат все их проблемы. Понятно, почему Корвас хотел в это верить.

Гораздо лучше альтернативного объяснения, по которому Асад просто не мог раскрыть потенциал Осколков.

Лучше, когда надежда ещё теплится где-то в душе, верно?

Скоро. Ещё немного дольше. Однажды. Когда-нибудь.

Всё это звучало лучше, чем «никогда», верно же?

Откровенно говоря, Асад уже не знал, во что верит. С одной стороны. Он получил подтверждение, что Расаласэд всё ещё существует в Осколках, но с другой, Сухой Бог упомянул нечто бросающее вызов теории Корваса.

Достоинство.

Когда Гектор с Гарвелем рассказали о своей странной встрече с Расаласэдом, это показалось Асаду самым любопытным.

По-видимому, Сухой Бог заглянул в глубины их души и вынес вердикт. Оценил их достоинство. И, важнее всего, он сказал, что «усвоил урок после трёх».

Асад не сомневался, что Расаласэд имел в виду Войну Трёх Песков. Если он видел мир из своих Осколков, то времена, когда сэндлорды попытались истребить друг друга, должны были оставить на него большое впечатление.

Возможно, перед конфликтом, осколки работали именно так. Как сказал Корвас. Любой достаточно опытный Лев мог получить их силу. Однако обнаружив, какие разрушения приносит безрассудная сила, Расаласэд решил стать осторожнее.

Если дело в этом, то Асад и не знал, какая у него надежда. Что вообще означает достоинство перед могуществом Сухого Бога? Он чувствовал, что только Расаласэд может ответить на этот вопрос.

А ещё у него было чувство, что, возможно, сама его неспособность воздействовать на осколки, чтобы хоть поговорить с Расаласэдом, была ответом. Возможно, Сухой Бог уже оценил его достоинство и не был впечатлён.

Он точно не идеал. И чуть ли не каждый день находил в себе всё новые способы провалиться. Как друг. Как воин. Как лорд. Как отец. Как муж.

Чего в нём осталось достойного-то? Наверняка Расаласэд видел его насквозь. Не было никакого смысла притворяться кем-то другим.

Его золотые глаза медленно закрылись и он потёр лоб, пытаясь не броситься в этот мутный колодец мыслей снова. Пытаясь не вспоминать, скольких людей он уже подвёл, и не представлять, скольких подведёт в будущем.

Пытался не дать бременю мира раздавить его.

Ему не так давно исполнилось сорок, а он уже временами чувствовал себя стариком. Как с этим справляются по-настоящему старые слуги, интересно? Ведь наверняка все они, в тот или иной период жизни, находились под таким же давлением.

Ну. По крайней мере те, которые не потеряли свой рассудок.

Может в этом есть какая-то связь. Возможно, стоит поговорить с Аббасом, когда они оба будут свободны.

Иными словами никогда, сказала ему пробегающая мысль.

Он поднялся. Кровать ждала его на пару этажей ниже и сон был бы очень кстати. Асад зашаркал к дыре в засыпанном песком полу, и скользнул по лестнице вниз.

Внутри было темно и мало места, но хотя бы ветер завывал не так громко. И кровать стояла прямо у ног, так что он и источник света создавать не стал, а просто плюхнулся и натянул пыльное одеяло.

Из опыта он знал, что сейчас кровать с ним мог разделять как минимум один скорпион, но сейчас, если это так, он желал ему спокойной ночи. В нём было слишком мало сил для реакции.

Хотя ещё в этом ленивом решении играли роль татуировки. Ему ведь не надо было беспокоиться о том, что его кожу может проткнуть что-то такое слабое, как жало скорпиона. А ещё на пальце сидело кольцо Хакка, поэтому с немалым шансом могло получиться так, что удар жала отразится и убьёт скорпиона.

Видимо это было последней мыслью его засыпающего мозга, потому что теперь он видел мать. Месяцы, что она потратила за изнуряющей работой, пока наносила на него эти татуировки.

Она, в самом буквальном смысле, вложила свою душу в эти татуировки. И в результате Асад получился гораздо прочнее, чем любой другой слуга его возраста. Они спасали его снова и снова, в последний раз лишь недавно в Зале Дюн, во время сражения с Мародёром Кэлтоса.

Но их нанесение было самой большой пыткой его жизни. И в возрасте тринадцати лет он точно не был к ней готов. Потому что мама должна была нанести их раньше, чем он станет слугой, иначе регенерация просто убрала бы татуировки.

Он тогда это не слишком понимал и сопротивлялся каждый раз, как мама хотела продолжить. Считал это каким-то наказанием. По ощущениям, по крайней мере, казалось именно так.

В итоге этот страх перерос в такой ужас, что ей пришлось использовать обезболивающее при каждом сеансе. Так стало гораздо легче, хотя кожа всё равно ужасно болела в последующие несколько дней.

И каким же облегчением было, когда она наконец закончила все татуировки. Его одноклассники в школе начали смотреть на него иначе, но не в плохом смысле. Им татуировки явно казались крутыми. Но их поведение стало меняться только после того как он стал слугой и понял, что получил божественную способность материализации кремния и кислорода. Хотя, оглядываясь назад, может они какую-то роль и в этом сыграли тоже. По крайней мере, из толпы они его точно выделили.

Его мама пыталась сделать то же и для его брата Хакка, но не успела закончить.

Она умерла в возрасте тридцати трёх, когда безо всяких предупреждений, жнец отпустил её душу и исчез.

Никто в семье не мог объяснить, что могло спровоцировать её жнеца на такое. Со стороны их отношения всегда казались хорошими.

Во многих отношениях жизнь его матери была такой же загадочной, как и её смерть. Он уже вырос старше возраста, в котором она умерла, но её способность объединения по праву считалась легендарной. Никогда Асад не слышал, чтобы хоть кто-то другой добился того же, чего добилась она с этими простыми чёрными татуировками.

Но он слышал, что объединение бывает таким. Оно немного отличалось от способностей других типов – даже мутации, с которой у неё было больше всего общего. Предположительно, объединение «разнообразнее» и «научнее» в использовании. Хотя возраст и опыт определённо представляли большой фактор, настоящие гении всегда могли добиться удивительных результатов.

По этой причине самые знаменитые объединители обычно были изобретателями.

И всё же, Ясмин Наджир казалась настолько таинственной личностью, что Асад часто задумывался, нет ли в этом чего-то большего. Даже будучи её сыном он не мог сказать, что хорошо её знал.

Временами она яростной фурией и высказывала все свои мысли каждому, кто не успел укрыться – а остальных доставала из укрытий и всё равно высказывала. В ней хватало энергии и любви, чтобы проводить с ним, Хакком, и отцом каждую свободную минутку. Временами исчезала в лаборатории и полностью утопала в своих исследованиях. Асад иногда надоедал ей, пытаясь привлечь хоть какое-то внимание, но она просто его не замечала – или даже посылала прочь довольно холодным и обидным образом.

На самом деле «мама в семье» и «мама за исследованиями» отличались настолько, что Асад как-то спросил отца, одна ли это женщина. Отец тогда довольно прямо объяснил, что одна, просто вот такая.

Его смешавшиеся воспоминания о ней последовали за ним в сон. Улыбка на её счастливом лице. Тёплые и нежные объятия. А вслед за тем ледяной взгляд и закрытые двери. Боль от нанесения татуировок, снова и снова.

И она говорила с ним. Просила его перестать плакать. Что она не всегда будет рядом, чтобы всё исправить. Что он должен заботиться о младшем брате. Должен учиться на примере отца. Что наступит день, когда все будут зависеть от него.

Он увидел Элоа. Весь континент целиком. Полыхал. Он увидел существ, которых не видел никогда раньше. Монстров, человекоподобных и нет. Долговязых и исковерканных.

Вылезавших из луж слизи на земле. Убивающих и пожирающих всё на своём пути.

И он увидел, как все они повернулись на него, с голодом в их глазах. Который превратился в страх.

Он подскочил с кровати и задрожал. Одеяло накрутилось вокруг его лица и ему потребовалось некоторое время, чтобы освободиться. Дышал он как собака и не знал, из-за сна или из-за одеяла.

Некоторое время Асад просто сидел, в абсолютной темноте, безуспешно пытаясь очистить мысли.

После чего достал один из Осколков. Он чувствовал, что они оба были прижаты к нему, пока он спал. Если бы не татуировки, от них могли остаться синяки.

Асад сжал кристалл и закрыл глаза.

Он попытался. Снова.

Сосредоточился на Осколке, на его форме, на том, как его душа проходит сквозь него.

И снова его встретила пустота. Как он и ожидал, никакого ответа не последовало.

Вздохнув, Асад вернул осколок в робу.

Темноту прервало внезапное появление огромной светящейся скорпионницы, спустившейся сквозь потолок.

— «О, ты уже проснулся», — сказал Корвас приватно. — «Хорошо. Давай за мной»

— «Что случилось?» — спросил Асад, уже поднимаясь по лестнице.

— «Ну, эм. Там... куча торговых автоматов посреди пустыни»

Асад на мгновение прекратил подниматься, озадаченно моргнул, и продолжил.

— «Они просто внезапно появились там», — объяснил жнец. — «Никто пока не знает как это понимать»

— «Торговые автоматы», — повторил Асад с изумлением.

— «Ага»

И действительно, когда он поднялся на верхний этаж дота, взял бинокль, и посмотрел через наблюдательное окно, то именно это и увидел.

Кольцо из шести высоких торговых автоматов. Они просто стояли там, наполовину зарытые в песок, но при этом светились, как если бы подзывали.

Очевидно, посреди пустыни розеток не было, так что могло их питать? Как если бы их появление не было достаточно странным.

Часовые посмотрели на него.

— Мы уже сообщили о них, лорд, — сказал один из них, сквозь маску. — Командный центр тоже не понимает в чём дело. Оказывается, мы такие не одни. Они получили схожие доклады где-то с дюжины дотов.

— Что думаете, лорд? — спросил второй часовой.

Ну, это ведь Избавление, подумал Асад. Самое большое сборище идиотов и сумасшедших. Может и не было смысла пытаться увидеть какой-то замысел.

— Думаю, это диверсионная тактика, — сказал Асад. — Поглядывайте на них, но и по сторонам тоже.

— Да, лорд.

Избавление теперь знало, что их невидимые солдаты больше не работают. Пески Юго делали попросту невозможным приближение не оставляющее очень заметных следов, а даже если они придумают, как этого избежать, сэндлорды устроили тысячу ловушек по всему этому региону – и продолжали устраивать ещё больше.

Это Асад и другие опытные воины сделали главным ударением собрания, когда наступила их очередь выступать. Наблюдательная система линии обороны была ключом сражения и к победе в войне. Если снова позволить Избавлению проникнуть в их земли. Они уже могут и не выдержать.

В этом отношении очень помог Хакк. Многие из новых ловушек были придуманы им. Некоторые оказались довольно простыми и не смертельными, например «Джамал Три», которая реагировала на звук и распыляла краску. Такие планировалось использовать с часовыми и снайперами по соседству.

Другие наоборот, рассчитывались на то, чтобы расправиться с врагами на месте. «Кубра Четыре» срабатывала на звук и взрывалась ворохом укрепленных душой осколков. Обычный слуга попавший в радиус действия должен был превратиться в пыль, но даже старые могли не пережить такой взрыв на одной лишь пассивной защите души.

Хакк уже работал с «Кубра Пять», которая, по его словам, должна быть ещё сильнее, хотя у них оставалась целая куча мин четвертой версии, которые они ещё не успели заложить. Их смертоносность была главной причиной того, почему эти мины не спешили использовать. Они ведь реагировали на звук, а потому проползающая слишком близко змея приводила к исчезновению целой дюны с лица планеты.

Хотя сдерживающий фактор из них получался отличный. У Асада в этом самом доте была пара таких мин. Он пока не получил рекомендацию использовать их, но имел на то полное право.

Впрочем, сейчас он больше думал о дальнобойной артиллерии в своём распоряжении. Те были старше и созданы не Хакком, но с укреплением душой из них получались неплохие аргументы на поле боя.

Он приказал одному из часовых сходить за миномётами и снарядами, на всякий случай.

Когда снаряды прибыли, Асад начал напитывать их своей душой. А вот стрелять ими наверняка будут эти два парня. Если начнётся нападение, то ничто не должно помешать ему напрямую сразиться с врагами.

После того как миномёты и снаряды были наполнены душой, он попытался связаться с центром, но в радио ответил только белый шум.

Кто-то глушил их. А значит, наверняка скоро начнётся атака, в какой-то форме. Что было довольно полезной информацией, поэтому он постоянно проверял первым самое уязвимое радио.

Асад не мог назвать себя экспертом электроники, но его родня недавно разработала несколько видов радио с высокой сопротивляемостью подавлению сигнала, в каждом использовалась своя техника.

Поэтому, когда он открыл шкафчик, перед ним оказался большой выбор устройств. Первое, которое он взял, тоже не работало, в отличие от второго. Может быть, Хакк бы объяснил двум его часовым точную причину неполадок, но Асада волновала только наблюдательная поддержка со стороны союзников.

И да, они уже запустили для него глаза в небо, вместе с координатами для миномётов.

Асад всё ещё помнил времена, когда в миномёты не устанавливали никакую электронную начинку, но жаловаться о том, что раньше было лучше, не собирался точно.

Однако прежде чем они успели выстрелить, он заметил движение среди торговых автоматов.

Прямо из песка между ними поднялась ярко светящаяся неоновая табличка с надписью на валганском: «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ. ЛУЧШЕ ИДИТЕ И ПЕРЕКУСИТЕ».

— «... Они ведь не могли на самом деле думать, что это сработает?» — спросил Корвас приватно.

Асад даже отвечать не хотел.

— Огонь, — сказал он вместо этого.

И первый снаряд засвистел в небо.

Асад наблюдал через бинокль, ожидал и готовился к ослепительно яркому взрыву.

И он пришёл, правда не там, где надо. Вместо этого снаряд пролетел гораздо дальше и уничтожил дюну.

Ошибки в прицеливании были полностью нормальны и оба молодых часовых уже настраивали миномёт, но со своим опытом Асад понял, что дело в другом. Они промазали слишком сильно. Чтобы промазать настолько, нужно не иметь никакого опыта стрельбы, а в таком случае эти двое сюда бы не попали.

Корвас закончил мысль за него: «Кто-то отразил снаряд».

— Не поправляйте, — сказал Асад вслух. — Просто перезарядите.

Оба часовых ответили утвердительно.

Подсвеченный знак посреди торговых автоматов вдруг рассыпался на части и на его месте, прямо из песка, возник новый: «ЭЙ! Я СКАЗАЛ НЕ СТРЕЛЯЙТЕ! ВЫ ЧИТАТЬ НЕ УМЕЕТЕ?!».

И внезапно Асад задумался над всем происходящим снова.

В первом знаке он мог предположить продуманную и абсурдно практичную шутку одного или нескольких сумасшедших Избавления. Они могли каким-то образом закопать его

незаметно для всех, поставить какой-нибудь механизм для подъёма – тоже вполне реально.

Но второй знак... он отвечал на происходящее – как если бы его создатель сделал знак прямо сейчас.

И как много людей могли создать подобный знак в такой короткий промежуток времени?

Конечно, может в этом и был их замысел. Возможно, они догадывались о выстреле в ответ и приготовили второй знак по этой самой причине. Психологическое давление, в некотором смысле. В Избавлении ведь полно-

Второй знак развалился на части и из песка поднялся третий: «ИГРАЙТЕ ПО ПРАВИЛАМ, РЕБЯТИШКИ, ИЛИ БУДЕТЕ УДАЛЕНЫ ИЗ ИГРЫ РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ».

<http://tl.rulate.ru/book/1701/1115206>